

Закариус Лютый

За тенью
великого
древа

Закариус Лютый

За тенью великого древа

«Автор»

2026

Лютый З.

За тенью великого древа / З. Лютый — «Автор», 2026

В долине, зажатой кольцом гор, под бесконечной кроной Великого Древа живёт племя. Люди приносят дары, боятся гнева и верят, что дерево защищает их от бед. Но молодой охотник Чевеио задаёт вопросы, на которые никто не хочет отвечать: почему Древо молчит? Почему дары гниют в корзине, пока дети умирают от голода? Почему молитвы не спасают от засухи и обвалов? Отдав хлеб голодному ребёнку, Чевеио навлекает на себя гнев старейшин и становится изгоем. Но встреча со старой отшельницей Нэлой открывает ему забытую истину. Это философская притча о вере и её подмене, о цене истины и иллюзии, о том, как легко принять удобную ложь за порядок и как трудно решиться поднять глаза вверх. Это история человека, который проходит путь от сомнения через изгнание и одиночество к отречению от собственной гордыни и обретает подлинную свободу.

© Лютый З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Долина без неба	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Закариус Лютый

За тенью великого древа

Глава 1. Долина без неба

Чевеио стоял, прислонившись плечом к нагретому валуну и смотрел, как люди идут к Корзине. Он знал эту цепочку наизусть — сто сорок три шага от крайней хижины до корней. Каждое утро одно и то же. Долина, зажата в кольцо гор, как вода в каменной чаше, была накрыта кроной Великого Древа и только на востоке, где река прорывалась к равнине, виднелась полоска настоящего неба. Но никто туда не смотрел, все смотрели на великое Древо.

Оно царило. Ствол его был подобен башне, сложенной из морщинистой, замшелой плоти. Крона представляла собой целый висячий мир, где ветви толщиной с тело взрослого мужчины переплетались в мощные скрутки, образуя темные своды. И над всем этим бесконечный и монотонный шелест листьев, каждый из которых размером с ладонь охотника. Грандиозные волны колебаний Древа создавало ощущение будто оно дышало. Оно занимало собой полнеба и солнце добиралось до земли лишь короткими и дрожащими пятнами.

За час до рассвета, когда туман еще стелился у корней, началось подношение даров. Люди выходили из хижин, сложенных из речного камня и обмазанных глиной: все племя, около двух сотен душ. Они шли молча, кутаясь в плащи из грубой шерсти. Каждый нес то, что имел и мог поднести: лепешку из ячменной муки, горсть сушеных ягод, пучок целебных трав. Все это надлежало положить в Корзину — огромное плетеное вместилище, установленное у подножия ствола. Корзина была сплетена из ивовых прутьев, она со временем потемнела и пропиталась запахом кислого теста, увядших цветов и портящихся лесных ягод.

Чевеио не участвовал в шествии, хотя сегодня была его очередь нести хлеб. Лепешка, испеченная Амайей, лежала в его сумке, он чувствовал ее тепло сквозь ткань одежды. Амайя пекла хлеб по утрам и делала это с особой сосредоточенностью и нежностью, словно вкладывала в каждую лепешку не только муку, но и часть души. Сегодня Чевеио не положил этот хлеб в Корзину, а просто стоял в стороне, наблюдая за процессией. Он чего-то ждал.

Ему было девятнадцать, он был широк в плечах и узок в поясе, с руками привыкшими держать лук и обрабатывать шкуры, по древним технологиям, переданным ему его отцом, а отцу его дедом. Под грубой тканью охотничьей рубахи угадывались тугие мышцы. На смуглом лице, обветренном горными ветрами, глаза цвета темного янтаря смотрели спокойно и прямо. На щеке, ближе к скуле, белел тонкий шрам — след от когтя горной рыси, с которой ему пришлось схватиться два года назад. Рысь убила его любимую собаку Джигу, а Чевеио убил рысь без малейшего колебания. Тогда он впервые понял, что мир устроен не так, как говорят старейшины: хищник не карает и не милует, он просто охотится.

Еще вчера, возвращаясь с охоты, Чевеио увидел сцену, которая тронула его сердце до самой глубины, увидел то, что не замечали или не хотели замечать другие. На краю поселения у высохшего русла ручья стояла покосившаяся хижина, там жила женщина с ребенком. Мальчику было около четырех лет — маленький, с выпирающими ребрами и глазами, казавшиеся слишком большими на исхудавшем лице. Он сидел на земле и молча смотрел на проходящих мимо людей. Он не плакал и не просил есть, он просто смотрел, как смотрит голодный звереныш, еще не понимающий, что умирает.

Всю ночь Чевеио лежал без сна в мыслях, которые он пытался гнать, но они не давали покоя: «Древо не съест и сотой доли того, что приносят ему люди. А этот мальчик возможно умрет уже через пару дней, если не поест. Мысль была простой, но как удар ножа колола живое, и он уже ночью принял решение действовать.

Он стоял и ждал, пока люди разойдутся, церемония приближалась к окончанию. Последняя женщина, которая делала подношение — жена гончара, полная с красными от работы руками, положила в Корзину пучок сухих колосьев и поклонившись, отошла в сторону.

Наступила тишина, только река шумела вдалеке и где-то высоко в ветвях дерева перекликались птицы. Чевеио выпрямился, готовясь к тому, что задумал. Тело, затекшее от долгого нахождения в одной позе, отозвалось легкой болью в плечах. Он машинально оглядел толпу, ища взглядом Кваху, друга не было. Наверное, он остался помочь матери или опять сидел у реки, считая перекаты. Кваху всегда уходил, когда требовалось что-то обдумать или сделать выбор.

Чевеио достал из сумки лепешку, она была еще теплой, пропеченной до золотистой корки, хлеб пах дымом очага и тмином. Амайя всегда добавляла тмин и говорила, что он помогает от живота. Чевеио посмотрел на Корзину, где уже лежали дары: зерно, плоды, куски ткани, глиняный горшок с медом. Он знал, что все это будет лежать там, пока не сгниет, хотя об этом знал не только он, все знали об этом, но никто не задумывался и не допускал никаких мыслей на этот счет. Затем его взгляд скользнул к краю поселения, где в тени покосившейся хижины сидел голодный мальчик. Он колебался ровно три удара сердца. Одно дело думать о справедливости ночью у очага, другое действовать при свете дня, на глазах у всего племени. Но отец, умирая, сказал ему: «Не стучи в пустоту, сын. Если колеблешься, выбирай умом и сердцем...». Отец был странным человеком, почти изгоем и умер молча, не попросив благословения Древа.

Чевеио решительно зашагал не к Корзине, а прочь от нее, к хижине мальчика. Он шел быстро, опустив голову. Лепешку он держал в руке, имея твердое желание сделать задуманное демонстративно, и лепешка в этот самый момент, казалась тяжелой, как камень. Среди людей, еще остававшихся поблизости, кто-то ахнул, а кто-то зашептался. Чевеио не оборачивался, он все понимал и со злобой, смешанной с обидой, думал о тех, кто сейчас смотрит ему в спину: о людях, которые бездумно шли и клали хлеб для гниения из года в год, из поколения в поколение, не задавая вопросов. Он понял, что не такой как они, что не один из них. Он понял то, чего не понимали остальные и это знание жгло его изнутри.

— Чевеио.

Голос прозвучал негромко, но заставил его остановиться, будто он уперся грудью в натянутую тетиву. Он узнал бы этот голос из тысячи, он мог бы узнать его в шуме горного обвала, в раскатах грома, в гуле ветра над перевалом. Он обернулся, Амайя стояла в десяти шагах. На ней было длинное платье из некрашеной шерсти, подпоясанное кожаным ремешком, к которому крепился мешочек с травами: сушеными, пахучими. Волосы, цвета темной меди, были заплетены в тугую косу, перекинутую на плечо. На лбу, у самых корней волос, виднелась маленькая родинка, которую Чевеио всегда хотел поцеловать, но не решался. Амайя была немногим младше его, но в глазах ее, зеленовато-серых, как вода в лесном озере перед грозой, уже поселилась та особая печаль, что приходит после потери близкого. Она смотрела на лепешку в его руке и ее пальцы, державшие пучок мяты для собственного подношения, сжались.

— Ты украл дар, — сказала она. Так обычно говорят, когда рушится что-то незыблемое, как сами горы. Чевеио покачал головой, он ожидал этой реакции, но сейчас, глядя в ее глаза, слова показались ему грубыми и в нем зародилось некоторое раздражение.

— Я отдам хлеб тому, кто может его съесть.

— Кому?

— Ребенку, сыну Инары. У них третий день нет еды. Ты ведь знаешь Инару? Ее муж погиб в горах прошлой зимой. Она больна и не может работать, никто не помогает им, все слишком заняты подношениями Древу.

Амайя перевела взгляд на Корзину, где лежали дары, обреченные гнить. На ее лице отразилась внутренняя борьба. Чевеио увидел, как подрагивают ее ресницы, как она кусает губу, эту её привычку он помнил с детства.

— Но ведь он был предназначен моей матери, — произнесла она тихо, почти шепотом.

Все остальные клали хлеб для Древа: для силы, для защиты, для урожая. Амайя же, для матери, для той, чей голос она надеялась услышать в шелесте листьев, чей образ искала в узорах коры. Каждое утро она приносила что-то к стволу и стояла там дольше всех, прижавшись лбом к грубой коре, беззвучно шевеля губами. Отнять у нее этот ритуал было, все равно, что убить мать во второй раз.

Чевеио шагнул к ней.

— Амайя...

— Не надо, — оборвала она. — Ты уже все решил.

Она повернулась и пошла прочь, не оглядываясь, гордо выпрямив спину. Чевеио смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри что-то сжимается какая-то особая боль, которую причиняет только любовь, столкнувшаяся с непониманием. Он любил эту девушку с тех пор, как они детьми ловили рыбу в реке, он помнил, как она смеялась, когда у нее сорвалась первая форель. Теперь она уходила и между ними ложилась тень Великого Древа. Он стиснул зубы и продолжил путь.

У самой Корзины, в тени ствола, стоял человек, тоже молодой, немногим старше Чевеио. Одет он был не в простую шерсть, а в темный плащ с вышитым по краю узором листьев, сплетенных в цепь — знак помощника старейшины. Это был Ханар, он стоял неподвижно, скрестив руки на груди и смотрел. Его лицо было узким, с резкими чертами, а глаза темные, глубоко посаженные не выражали ни гнева, ни удивления, а только холод. Так смотрит охотник, изучающий след, чтобы потом, в нужный час, безошибочно найти и настигнуть зверя.

Чевеио встретил его взгляд, но они не сказали друг другу ни слова. Помощник старейшины чуть склонил голову набок — это было похоже на движение ястреба, заметившего добычу. Затем он медленно отвернулся и не торопясь пошел в сторону дома Иарама. Чевеио проводил его глазами и впервые за это утро он почувствовал не просто сомнение, а смутную и далекую угрозу. Хотя Ханар ничего не сказал, но он все видел и это настораживало.

Чевеио дошел до хижины Инары, мальчик все так же сидел у порога, обхватив колени руками. При виде охотника он никак не отреагировал, а лишь перевел взгляд на лепешку и глаза его загорелись в ожидании. Чевеио присел перед ним на корточки и протянул хлеб.

— Бери.

Мальчик медленно, словно боясь, что хлеб исчезнет, протянул грязную ручонку. Взял лепешку обеими руками, поднес к носу и вдохнул запах. Глаза его расширились, а затем он вцепился в нее зубами, жадно, отчаянно, как вцепляется в жизнь умирающий от жажды. Крошки посыпались на его колени. Чевеио смотрел на него и чувствовал, как к горлу подступает ком, не от жалости, но от ярости. От мысли, что огромная Корзина, полная еды, стоит в ста шагах от этого голодного ребенка.

В этот самый миг над долиной пронесся ветер. Он родился где-то в горах, на ледяных пиках, скатился по ущельям и ворвался в крону Великого Древа. Листва отозвалась низким, утробным гулом, тысячи листьев зашелестели разом и звук этот походил на глухой стон, на вздох огромного существа, которое потревожили во сне. Тень под кроной заколебалась, птицы взмыли вверх черной тучей. Люди, что были рядом замерли, кто-то упал на колени, кто-то схватился за амулеты — деревянные кружочки с вырезанным изображением листа.

К Чевеио, тяжело опираясь на резной посох, приблизился старейшина Иарам. Посох его был из черного дерева, отполированного ладонями, с набалдашником в виде головы неведомого зверя. Сам старик был высок, но годы согнули его спину и теперь он смотрел на мир исподлобья, как хищная птица. Лицо его, изрезанное морщинами, напоминало кору Древа,

такие же глубокие трещины, такие же тени. Глаза, выцветшие от старости до цвета мутного льда, смотрели остро и цепко. Он остановился в трех шагах, взгляд его скользнул по мальчику, жадно жующему хлеб, оглянулся назад к корзине. А затем старейшина поднял посох и указал им на крону.

— Древо разгневано, — произнес он и голос его, глубокий и звучный разнесся над притихшей толпой, которая снова собралась возле Древа. — Оно чувствует, когда его дары уходят в недостойные руки.

Чевеио встретил взгляд старейшины и не отвел глаз, он намеренно понизил голос, чтобы слышал только Иарам.

— Я ни разу не видел, чтобы Древо ело хлеб. А этот мальчик ест, и он нуждается в нем.

Старейшина ничего не ответил, он долго смотрел на Чевеио. Взгляд его не выражал гнева, скорее в нем читалась глухая, застарелая тревога. На мгновение что-то дрогнуло в его лице, какая-то тень. Затем он отвел взгляд, повернулся и пошел прочь, стуча посохом по утоптанной земле. Каждый удар отдавался глухим эхом, словно сердце долины билось в ритме его шагов.

Вечер наступил быстро, в долине, закрытой кроной, сумерки ступали раньше, чем в горах. Чевеио сидел у своего очага, огонь был невелик, он не любил жечь много дров. В углу хижины стояли связки стрел, на стене висел лук из упругого ясеня, рядом колчан из шкуры горного козла. Чевеио точил наконечники, камень методично скрежетал о металл и этот звук успокаивал его, приводил мысли в порядок.

Он думал о Древе, что оно никогда не отвечало ему, что мать умерла, когда ему было десять и никакие молитвы не спасли ее, что отец, умирая, даже не взглянул в сторону священной кроны. Он помнил последние слова отца: «Не стучи в пустоту...», — сказал он и Чевеио запомнил эти слова на всю жизнь. Он думал о Ханаре, о его холодном взгляде. Ханар ничего не сказал, но Чевеио знал: этот человек ничего не забывает. Он думал о Нэле, которая жила на краю долины в покосившейся лачуге и которую почти никто не слушал. Она была стара, как сами горы и помнила времена, о которых запрещалось говорить. И еще он думал о том, что завтра нужно подняться в горы, что-то внутри не давало ему покоя и тянуло его туда, он должен увидеть небо.

Входная занавеска откинулась, вошла Амайя. Она не спросила разрешения, как и всегда — просто вошла. Ведь они выросли вместе и знали друг друга лучше всех. Амайя молча села напротив, у самого огня, пламя осветило ее лицо и Чевеио увидел, что она плакала, глаза были покрасневшими, а ресницы слиплись.

— Я хочу, чтобы ты знал, — сказала она, глядя в пламя. — Моя мать умерла два года назад. Ты помнишь? Ты помогал опускать ее в землю.

— Помню, — ответил Чевеио. Он помнил все: промозглый дождь, запах сырой земли, гроб из сосновых досок и лицо Амайи, бледное как луна и сухое, она не плакала тогда, она просто стояла с каменным лицом.

— Я приходила к ней каждый день. К Древу. Вставала рано, когда еще звезды горели и шла, разговаривала с корой, рассказывала все: как прошел день, что я видела, о чем думаю и мне казалось... — голос ее прервался. — Мне хотелось верить, что она отвечает. Что вот этот шорох — это она. Что она слышит меня. Чевеио отложил стрелу. Огонь потрескивал.

— Амайя...

— Нет, ты послушай, — она подняла на него глаза, полные не пролившихся слез. — Я знаю, о чем ты думаешь... Ты думаешь, что Древо молчит... Ты всегда так думал, с тех пор когда был еще мальчишкой. Но я... я не могу потерять ее снова. Понимаешь?

Чевеио встал, подошел к ней и опустился рядом на колени. Он взял ее руку — маленькую, огрубевшую от работы с травами, с полосками грязи под ногтями и сжал в своей ладони.

— Я никогда не хотел, чтобы ты потеряла ее, я скорбел вместе с тобой. Твоя мать была хорошей и доброй женщиной, я помню, как она пела, я только хочу донести до тебя и до других,

одно: не говорите с пустотой. Если хочешь помнить помни, но не приноси еду тому, кому она не нужна, она там просто гниет. Амайя высвободила руку, не резко, но решительно. Поднялась и пошла, у выхода она задержалась и не оборачиваясь, заговорила. Голос ее звучал глухо, как из-под воды.

— Ты не понимаешь. Если я перестану говорить с ней... — она запнулась, подбирая слово, но так и не нашла, просто покачала головой и вышла.

Холодный воздух ворвался в хижину, заставив пламя заметаться. Чевеио остался один, он долго смотрел на затухающий огонь, на оседающие угли, на искры, улетающие в дымоход. В голове его вновь прозвучали слова старой Нэлы, сказанные ему однажды, когда она вцепилась сухими пальцами в его рукав: «Не ищи Небо в ветвях. Подними глаза и увидишь Дом».

Чевеио вышел из хижины. Ночь над долиной стояла тихая и холодная, накрывая ее непроницаемым куполом. Чернела крона Великого Древа и где-то там в вышине, за этой стеной раскинулось небо — необъятное, звездное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.